

Ирина Евса

Сверток

Снег

– Словно шорох помех,
помнишь, в старой спидоле,
это, кажется, снег?
– Не снаружи, а в доме
звук. Не спорь, помолчи.
Это бабушка Галя
ищет капли в ночи,
света не зажигаая.
Или дед (слышишь треск
дров?), хлебнувший из фляги,
сел у печки, нетрезв,
и сжигает бумаги.
Или отчим, размах
чуя распри возможной,
собирает впотьях
чемоданчик тревожный.
– Но их нет. – Они есть.
– Где? В убежищах тайных?
Что им прятаться здесь,
если приняли *там* их?
Сна – как не было. Чай
заварить? Снег – на прутьях,
проводах... – Не включай
свет, не вздумай спугнуть их.

– Это снег, посмотри,
снег шуршит. – Говорю же,
помолчи. Звук – внутри.
Звук – внутри, не снаружи.

* * *

Ты разбуди меня, но не здесь, не здесь.
Не заслоняй мне свет, как дурная весть,
словом «война», его нарративом черным.
Я доверяю только цветам и пчелам.

Я не в ответе за мировую гниль.
«Где мои дети?» – снова кричит Рахиль.
В левом крыле, за лифтом, ее палата.
Кто эти люди в белом – врачи, враги ль?
Вот мои дети: донник, ромашка, мята.

Кровь со щеки успела еще стереть
правой рукой. Сказали: осталась треть.
В хитром сплетенье длинных шнуров и трубок –
не подходи, не смей на меня смотреть! –
жалкий скулит обрубок.

Там разбуди, где воздух с утра стеклит
узкие окна меж розоватых плит.
Вот я сижу на ветке ольхи, болтая
тем, чего нет, и тем, чего нет, машу
тем, кого нет. Шмели расшивают шум,
то расходясь, то сталкиваясь бортами.

* * *

Евгении Моргулян

По ржавому пальнув пустому баку:
отстой, мол, и фигня,
он, выбив дверь, убил мою собаку.
Потом убил меня.

И не было ни ужаса, ни боли –
негромких два хлопка.
Мы встали и пошли, минуя поле,
направо, где река.

Но лапу приволакивала псина
и боком по стерне
теперь не впереди она трусила,
а тычась в ногу мне,

в любой момент готовая включиться
и даже огрести
за дурочку, с пробойной в ключице
и слабостью в кости.

Река, вписавшись в местную природу,
слегка смиряла прыть.
Я знала, что собака эту воду
не сможет переплыть.

А та в оцепенении глубококом,
поджав худой живот,
косила на меня печальным оком:
«А вдруг не доплывет?»

Две беженки, чей срок на «или – или»
бессмысленно истек,
мы с ней переглянулись и поплыли,
по грудь войдя в поток.

И словно безразличная, чужая
речь вне добра и зла,
река впустила нас, не отражая
в себе, и понесла.

* * *

– Ладно, Ты отобрал море, клочок земли
в пять с половиной соток,
лунные ковыли, сад в дождевой пыли,
лета горячий сверток,
дружный галдеж гостей с ворохом новостей,
беглого муравья.
Но зачем Ты убил детей?
Слышу в ответ: «Не Я».

– Ладно, взамен тюрьмы Ты мне вручил суму,
выбравив троекратно.
Разум моих друзей Ты погрузил во тьму
и не вернул обратно.
Кореш меня учил: Бог – справедливый чел,
а не галлон вранья.
Но детей Ты убил зачем?
Слышу в ответ: «Не Я».

– Ладно, меня Ты спас. Чтоб не рванула вспять,
окна обрушил в доме.
Дал сухарей в запас. И, бормоча «не спать»,
выплюнул на кордоне –
мол, на luisenplatz в теплом чужом пальто
выживешь, корм клюя.
Но детей ты убил за что?
Слышу в ответ: «Не Я».

Вот я плыву пятном в пестрых Твоих рядах
в ночь, где всего дороже
крыша над головой: по-украински – дах,
и по немецки – тоже.
Кирхи зеленый шпиль над городской стеной.
Огненный сухоцвет.
– Господи, это впрямь Ты говоришь со мной?
И ничего в ответ.

* * *

У каждого есть бесценная чепуха,
которую он хранит:
обрывок бечевки, фантик, фрагмент стиха,
таинственный эбонит,
счастливый билетик, связка ключей от той
квартиры – окном на юг –
куда ты – без лифта – с первого на шестой,
и дверь открывалась вдруг.

В бедламе отъезда этот священный хлам
(а стоит ли он возни?),
сбивая предметы, ищешь по всем углам:
да где ж она, черт возьми,
монетка вон та – вершина его даров –
цидулка из никогда?
Тебе подмигнул бы пристальный Гончаров:
залог любви, ну да.

И там, где толпа клубится у врат, боясь,
что не заберут в теплынь
краев, где в озерах спит красноперый язь,
скользит золотистый линь,
тревожишься об одном, подходя к черте:
позволят ли пронести
тот синий стеклянный шарик, что в суете
успел ты зажать в горсти.

Харьков

